

СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ

АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ А

Павел

В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ

Зальцман

ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА

СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ

АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ А

В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ

ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА

СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ

АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ А

В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ

ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА

СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ

АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ А

В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ

ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА

СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ

АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ А

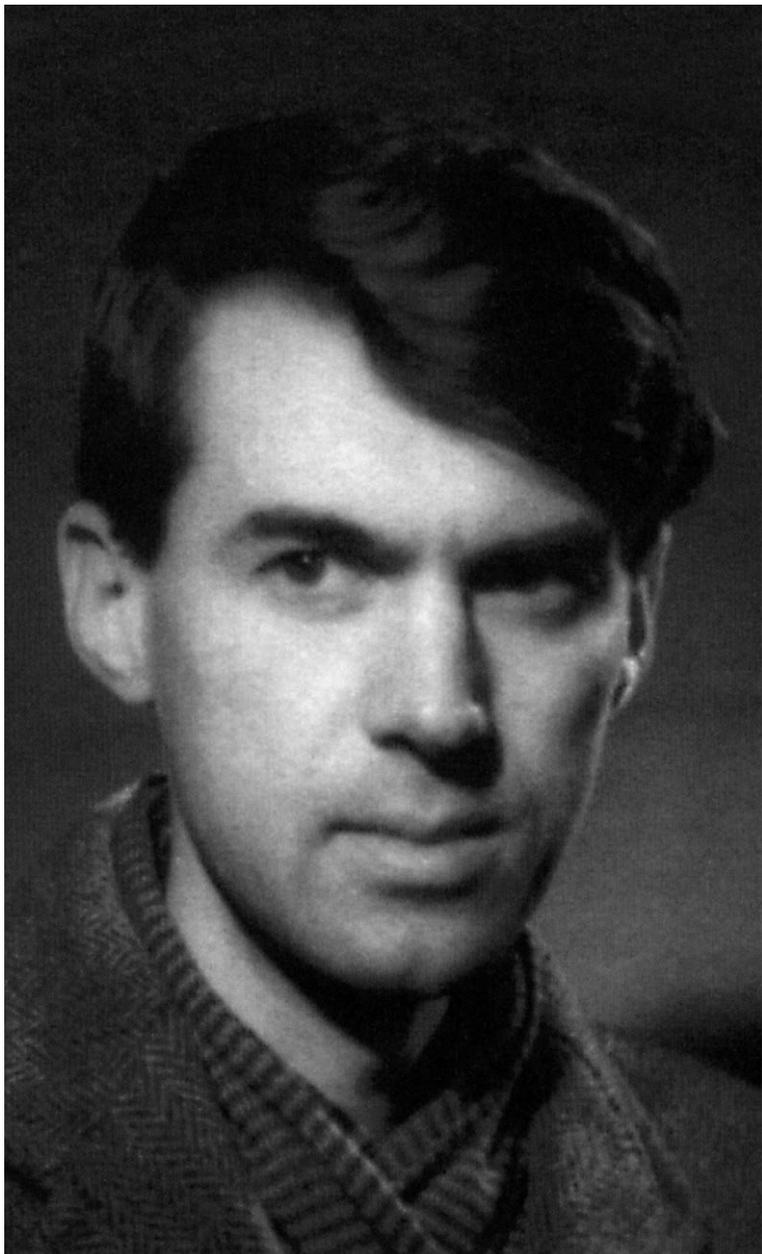
В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ В СРЕДНИЙ

КА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА ВЕКА

СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ СРЕДНЯЯ

АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ АЗИЯ А

*Средняя Азия
в Средние века
(или Средние века
в Средней Азии)*

Алма-Ата, 1940 год

**Павел
Зальцман**

СРЕДНЯЯ

АЗИЯ

В СРЕДНИЕ

ВЕКА

(ИЛИ СРЕДНИЕ
ВЕКА В СРЕДНЕЙ
АЗИИ)

Ад Маргинем Пресс

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
3-25

Послесловие — Елена (Лотта) Зальцман
Комментарии к роману и приложению, второе послесловие —
Татьяна Баскакова
Дизайн — ABCdesign

Зальцман, Павел
3-25 Средняя Азия в Средние века
(или Средние века в Средней Азии). — М.:
Ад Маргинем Пресс, 2018. — 472 с.: ил.

«Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии)» — незаконченный роман художника, прозаика, поэта, искусствоведа, кинематографиста Павла Яковлевича Зальцмана (1912–1985), задуманный и написанный под впечатлением от поездок на натурные съемки в Среднюю Азию в 1930-х годах.

В настоящем издании впервые опубликованы первая часть и план второй части романа, сопровождающиеся набросками и пояснениями, а также «Среднеазиатские сказки» и «Среднеазиатский дневник 1934 года».

ISBN 978-5-91103-427-6

© Зальцман П.Я., наследники, 2018
© Зальцман Е.П., послесловие, 2018
© Баскакова Т.А., комментарии, второе послесловие, 2018
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2018

8	Часть первая	123	<i>Глава XVIII.</i> Грабеж
8	<i>Глава I.</i> Турдэ	131	<i>Глава XIX.</i> Мазар
13	<i>Глава II.</i> Мыроули	146	<i>Глава XX.</i> Базар
17	<i>Глава III.</i> Ша-Замурат-кала	158	<i>Глава XXI.</i> Илляш. Бегство
26	<i>Глава IV.</i> Кумрэ	161	<i>Глава XXII.</i> Возвращение Мырпатыло
33	<i>Глава V.</i> Мырпатыло		
39	<i>Глава VI.</i> Илляш. Молитва	170	Часть вторая
49	<i>Глава VII.</i> Фатхедин. Сон	170	<i>Глава I.</i> Кора. Сны
53	<i>Глава VIII.</i> Кукупчок	175	<i>Глава II.</i> Кора. Кузница
62	<i>Глава IX.</i> Джуджуогры		
74	<i>Глава X.</i> Сходства		
81	<i>Глава XI.</i> Охота	184	План второй части
90	<i>Глава XII.</i> Чтение		
97	<i>Глава XIII.</i> Мыроули	193	Комментарии
103	<i>Глава XIV.</i> Мырпатыло	284	Наброски глав второй части
107	<i>Глава XV.</i> Дивона-и-Машраб	291	Разрозненные наброски к роману
113	<i>Глава XVI.</i> Грабеж		
119	<i>Глава XVII.</i> Закхак		

Приложение

- 293 Текстологические пояснения
- 297 **Среднеазиатские сказки**
- 298 Бахаэддин
- 308 Золотая муха
- 314 Тегин-Пучук
- 324 Махаон
- 329 **Среднеазиатский дневник 1934 года**
- 377 Хронология поездок 1934 года по Средней Азии
- 379 *Лотта Зальцман*. О романе П.Я. Зальцмана
«Средняя Азия в Средние века»
- 406 *Татьяна Баскакова*. Красный платок,
или Странники на пути любви
- 464 Библиография

*Средняя Азия
в Средние века
(или Средние века
в Средней Азии)*

Часть первая

Глава I. ТУРДЭ

Кровь прилила к опущенной голове. В ушах звенит от солнца. Отдых в холоде. К лопаткам прилипает рубашка. Потемневшая река под ногами набегают на песчаные скалы. Младший сын хакана¹, Мыруоли-махрам², сидит на корточках, задрал халат. Сухое дно каменной выбоины загажено. Неудобные места для ног. Он переводит глаза, выхватывая то стебель, то камень, оторванные от его цели. Он стремительно думает о мечети. Солнце освещает насквозь зеленую траву, высоко растущую по краю.

Сбивая камешки, пуская их вниз в поток, бьющий из деревянного желоба, Турдэ сходит с медным тазом на голове. Сквозь выцветший румоль³, в ржавых пятнах от праздничных монет, она оглядывает слева под мечетью пустую площадь, а справа — дорогу к Чирчику⁴, огибающую пещеры в скалах. Из неглубоких дыр, как всегда, несет воню. День не базарный, и всюду пусто. Только в одной на корточках сидит человек, закинув нарядный халат на голову. Его лицо, покрасневшее от натуги, низко опущено и закрыто голубой салля⁵. Внизу его ждет конь, сощипывая

- 1 Хакан (арабская передача тюрк. каган, то есть хан) — верховный государь монгольской династии (*Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. М., 1917. Т. 3. С. 18*), правитель, губернатор. Также титул тюркских государей.
- 2 Махрам — придворный (*Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина: К истории Таджикистана. Сталинабад; Л., 1941. С. 154*).
- 3 Румоль — женский головной платок из прозрачной ткани, закрывающий лицо вместо *чичвона* (сетки из конского волоса).
- 4 Чирчик — правый приток реки Сырдарьи.
- 5 Салля (туркестанское произношение), салла — чалма.

молоденькие листья. Уздечкой обкручено деревце, его конец торчит из узла.

На пустом базаре тихо. Только из-за разрушенных стен купальни, из черных дыр между жердей слышен смех и голоса двух женщин. Они говорят, стирая:

молодая: Не выдавши лица, не говори, что красавица.

старуха: А ноги, а грудь? Все приметы!

молодая: Все закрыто, ничего нет.

старуха: Только где он достал денег?

молодая: Он и не платил, а получил даром.

старуха: Говоришь, а сама не веришь!

Переходя поток по камням, Турдэ поднимает голову на рыжего коня на той стороне оврага. Ее нога соскользнула и сорвалась в холодную воду. Снявши таз и нагнувшись, она вытаскивает прибитый к камню кебис⁶ и ступает на горячий берег. Многодневная грязь выросла на ногах корой. Ее бороздят сухие трещины. Прежде чем поднять таз, Турдэ приоткрывает румоль, чтобы яснее разглядеть высокого коня в богатой сбруе, который тянет морду к потоку и бьет копытом. Человека в темной дыре уже не видно. Он поднялся и зашел за выступ, видно, совершить истинджу⁷.

Переступивши глиняные остатки дувала⁸, Турдэ входит в купальню, бросает туфли у воды и оглядывается, привыкая к темноте. Кажется, что все звенело на солнце, а здесь холодная тишина. Молодая соседка — Туты, — сидя на корточках, расставив гибкие ноги, прополаскивает детскую рубаху, лениво пуская ее по течению и притягивая к себе обратно.

Сюда принесены плоские камни с самого берега Чирчика, на них раскладывают одежду. Мягкая летняя вода отмывает не хуже речной, и пока водопад над мечетью, пробивая дыры в горе, наполняет бегущую канаву, незачем спускаться к реке.

Обернувшиеся женщины глядят на Турдэ и встают. Они узнают ее по тонкой талии, по приподнятым плечам и узким в шиколотках ногам. Молодая, Туты, шепчет:

6 Кебис — туфля, галоша.

7 Истинджа — ритуальное очищение после исполнения естественных надобностей.

8 Дувал — глинобитная стена, забор из самодельного кирпича (в долинах) или из камня (в горах).

— Это она!

Упущенная рубаха поплыла по течению и дрожит, охватив торчащую со дна ветку. Обе с любопытством ожидают, когда вошедшая уберет румоль и откроет лицо.

Турдэ достает со дна таза припасенную глину и, зажав свою рубаху между колен, чувствуя их прикосновение, сбрасывает румоль и приступает к стирке.

Тут старуха, стоявшая на коленях, опираясь обеими руками в землю, подымается, подходит к Турдэ и заговаривает с ней:

— Подожди, не торопись стирать, — говорит она. — Отдохни, только не прислоняйся к камню, а то на спине будут оспинки. Вот, прислонись к столбу, он гладкий.

Она заботливо проводит сухой ладонью по окоренному стволу.

Туты, вернувшись с выловленной рубашкой, бросает ее неотжатой и снизу засматривает Турдэ в лицо, а потом касается мокрыми, блестящими в темноте пальцами ее кос. Та отодвигается, подбирает косы и возвращается к стирке. Туты шепчет старухе на ухо:

— Если у нее тело, как лицо, ей нет цены. А правда, что Ил-ляш не позволяет ей мыться?

— Спроси у нее, — шепчет старуха.

Кровь отлила. В глазах потемнело. Мыруоли вытирает рукавом выступивший пот. Поднявшись и осторожно ставя ноги, он выходит на свет, придерживая халат, чтобы не прикоснуться к нечистому месту. Зайдя за камень и оглянувшись, нет ли здесь родника, он наскоро совершает таямим⁹, поправляет кушак и спускается к своему коню по мягкому мусору базарной свалки. Солнце обжигает мокрое лицо, ветер сушит кожу. Он стаскивает коня, вытягивающего шею, с пригорка на дорогу и, ведя на недоуздке, поднимается к мечети. Проходя мимо купальни, он слышит женские голоса и останавливается. Он жадно глядит на бегущую воду в физическом нетерпении приступить к молитве. Сейчас в мечети никого нет и можно молиться тайно. Он на секунду прислоняется к гладкому телу талового¹⁰ столба,

9 Таямим, или таяммум (*араб.*), в исламе — очищение песком или специальным камнем, совершаемое в особых случаях вместо омовения водой.

10 Тал (*устаревш.*) — ива, верба.

выступающего из самана¹¹, и ему кажется, что слова молитвы сложились. Но столб горячий, это отвлекает его, и голоса ему мешают. Он крутит головой, как будто стяхивая все это, и делает шаг, дергая недоуздок, но тут его останавливает неожиданная мысль:

— Теперь я пришел просить. Я открою Коран. Я спрашиваю у Бога. А там говорят. Каждый голос может быть для меня.

Он придвигается к стене и слушает.

Разглядывая в узкой щели от вóрота старого кюйнака¹² голое светлое тело Турдэ, Туты поднимает с земли ее румоль и спрашивает:

— Почему ты его не стираешь? Смотри, какой грязный.

Турдэ, разогнувшись, выкручивает тряпку, напряженно сжимая зубы.

Туты распыливает прозрачную ткань румоля на тонких мокрых пальцах и рассматривает пятна:

— Да, совсем пожелтел, и цветы выгорели, и вышивка.

— У меня другого нет.

— И вышивка не та, что у нас. Ты издалека! У нас — на белых кусках и углы одинаковые по двум сторонам, а вышивают черные стебли, или красные цветы граната, или орехи на ветках.

— Где же это выбрать?

— Ты издалека?

Турдэ молчит.

— Ну, у меня. А хочешь, я подарю тебе новый румоль?

— У меня сейчас ничего нет, чтобы подарить тебе, — говорит Турдэ.

— Ну хорошо, вот что: мне нужны листья для червей, может, у вас во дворе сохранился тут¹³. Позволь мне немного настричь, я сама сотку большой кусок шелка и сошью тебе кюйнак вместо твоего. Он тоже грязный.

11 Саман — мелкорубленая солома; замешивалась в глину, чтобы та не трескалась. Также — кирпич-сырец из глины, смешанной с такой соломой.

12 Кюйнак — женская рубаха, платье.

13 Тут — дерево. Листья тутового дерева — основной корм шелковичных червей. Ягоды туты — шелковица — бывают белые, более сладкие, и черные, кисловатые. Шелковицу сушат для пищи. См. дневниковую запись Павла Зальцмана от 18 апреля 1939 года: «Стопились горы над плоскими полосатыми полями с тутами, торчащими как кактусы по межам, вытягивая во все стороны из черного кулечка свои когти...» (Зальцман П. Осколки разбитого вдребезги. Дневники и воспоминания 1925–1955. М., 2017. С. 168).

Турдэ поднялась, чтобы отойти.

Туты быстро продолжает:

— Не сердись на меня, но твою рубаху и штаны нужно постирать, и тогда новый румоль тебя украсит.

Турдэ молча размышляет. Потом, как будто про себя, говорит:

— Надоело мне все это. Ох как надоело. Ну да, — обращается она к Туты, — как же мне стирать, что я надену?

— А мы их повесим на солнце, — говорит Туты, обращаясь к старухе, — правда? Они сейчас и просохнут.

— Конечно, сейчас же, — говорит старуха, — а ты пока купайся.

— Купаться? Нет, купаться я не буду.

— Почему же это?

Турдэ опять размышляет и молчит, накручивая кончик косы на палец.

— Хорошо бы выкупаться, — бормочет она.

Мыруоли за стеной, опираясь рукой о горячую глину, впечатывая саманные обрубки в ладонь, поднимает глаза к провалу, затем опускает голову и опять прислушивается. Сквозь шум воды ему, кажется, слышно, как ломаются складки кюйнака, как он собирается вокруг тонких плеч и сходит с белых рук. Мыруоли пожимает плечами.

— Маловероятно, — шепчет он.

Турдэ, упершись подбородком в ключицу, развязывает узелок на животе, раздергивает сборки и делает шаг к воде, подбирая упавшие штаны и рубаху. Обе женщины перевели дыхание, не отрывая от нее глаз.

— Маловероятно, — повторяет Мыруоли. — Вот справа за плечом, которое близко к глине, только острые обрубки самана, а слева камни руслу. Поток до Чирчика и айвон¹⁴ мечети, базар и сады на той стороне. Все открыто и пусто. А кривые улицы ведут вдоль длинных стен к одинаковым дверям, опущенным, как чичвоны¹⁵. И тут за стеной — дыры закрыты чернотой. Это чужое место. Но то, что за одной из множества прячущих дверей,

14 Айвон — балкон, веранда. У узбеков обычно между двумя комнатами одноэтажного дома находится пустое пространство под общей крышей, образующее айвон. Айвоны мечетей обычно огибали здание, располагаясь углом.

15 Чичвон (*тюрк.* чачван) — сетка из конского волоса, закрывающая лицо женщины.

то, чего я не видел ни в одной урде¹⁶, — это здесь. Это может быть здесь? О, Баха-эд-дин¹⁷! Помогите!

Мыруоли пронизывает быстрая дрожь неоспоримой правды, которую он даже не замечает. Закинув уздечку за луку, часто убитую серебряными гвоздями, наскоро охвативши недоуздкой одну из жердей, хлопнув коня по влажной шее, Мыруоли переступает обломки глины и входит в купальню, стараясь ступить тише. Ноги в мягкой коже удерживают камни, чтобы не сдвинуть, не зашуметь. Прислонившись к столбу входа, он раскрывает глаза.

Турдэ голая. Нагнувшись у воды, к нему спиной, она обернулась на шум и ахнула. Две другие двинулись и остановились. Она спряталась за старуху и глядит. Светлое лицо, черные глаза, зрачки расплылись неподвижно. Застилая пылью влажный холод — тонкой, светлой, в растерянности, — стены притягивают горячие пальцы обоих. Пальцы сошлись на стенах. Все молчат. Обе одетые женщины машут на него руками и медленно приближаются. Не решаясь кричать, они тихо... почти шепчут ему, во всяком случае, ему так кажется:

— Уходи, не смотри! Это чужая жена.

И он уходит.

Ленинград

Глава II. МЫРУОЛИ

Лежа на резных столбах, над айвоном пересекаются балки. Трещины опутывают их, как удар плетки.

Не их ударила плетка, а меня. Жалко, следа не видно. А украсил бы меня след?

Значит, Он есть? Это уже все? Так быстро? Схватись хоть за эти балки, так как ничего другого под рукой нет. Они густо разрисованы яркими цветами и листьями. Между ними проложены тонкие таловые жерди. Потолок айвона. Много ли здесь еще найдешь? Я сюда торопился. Много вез и еще по дороге подбирал. Жадность была большая. А что осталось? Я, кажется, растерял.

16 Урда — крепость, двор, дворец (Беллью Г.У. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 гг. СПб., 1877. С. 223).

17 Баха-эд-дин (Багауддин) Накшбанди (1318–1389) — основатель суфийского ордена Накшбандия, бухарский святой.

Я пришел сюда молиться. Молитвы, как столбы, подпирают чужие спины, мне не к чему прислониться. Я ничего не найду в этом потолке и за ним. Может, лучше лечь на землю? Так будет ничего не видно. Я ощупаю пол, это глиняный крепкий пол, за которым никак ничего не может быть. Куда бы я ни положил руку, на ее теле чужие пальцы.

Мыруоли так громко и неожиданно для самого себя взывает, что сперва даже не понимает, кто это.

— Чего мне теперь просить! Я не прошу ее отнять и дать, я прошу ее родить. Но так не бывает!

Он встает и, спотыкаясь, всходит по ступенькам на айвон, раскачиваясь и плохо видя. Его целью была мечеть, и первая мысль довела его до этой цели. Теперь она затоптана, и он поворачивает к купальне. Оставив удивленного коня свободным, со сбитой вниз уздечкой, он вглядывается беспокойно в свою пустоту, ожидая изменений, хотя какие еще могут быть? Что еще может быть сверх этого. И все-таки его глаза очищаются страхом. Он понимает, что его беспокоит. Все, что слышано, — ничто, все, что сказано, — ничто, этого просто нет. Только бы ее не упустить, только бы не потерять. Надо туда. Она за стенами. Она та же. Я ее видел. Почти невозможно представить, что могу опять увидеть. Но уже не так близко, не такой близкой.

На ходу он жестоко бьет свою руку о какой-то вылезший из стены столб, неразумно проклиная: я не знал, кого там увижу. Но ты же просил! Расставил руки для самой тяжелой радости. Ну вот, несешь. Но, может быть, она изменилась? Может, мне показалось?

В это время три женщины выходят из купальни и быстро поднимаются в гору, неся на головах тазы. Старуха идет быстрее других, спина у нее не сгорблена, грудь выгнута вперед, а зад торчит. И ноги мелко перебирают. Они сворачивают с базара в первую улицу и исчезают.

Мыруоли прыгает назад и кидается в седло. Бессознательно он откидывается на спуске, копыта сбивают камни. Неожиданно пущенный конь приседает. Мыруоли бросает его у подъема, сообщив, что доберется быстрее. Вдруг он остановился и оглянулся. Купальня, скрытая деревьями, уже не видна. Его пронизывает догадка, что она осталась там.

Я не помню, кто там был еще, сколько было женщин? Она там одна! Она может уйти! И тогда я ее потеряю! Я сейчас ее увижу.

Он взбегает обратно и входит медленно, так как время растянулось. Он спотыкается о глиняные обломки. Здесь страшно тихо. Он кидается назад, ударившись плечом о столб входа, и бежит обратно. Подошвы соскальзывают, скрежеща песчинками на крутом склоне по пустой улице. За поворотом ему кажется: в конце, за тугами, три женщины разделились и разошлись. Когда он добежал туда, их не видно. Он сворачивает вправо и бросается дальше.

Туты быстро идет, касаясь краями узких штанов высоких стелбей травы по бокам тропинки, пересекающей поляну, — к своему двору. Мыруоли догоняет ее у самого дувала, у двери. Она, обернувшись, ждет, разглядывая его сквозь румоль. Он говорит:

— Кто это?

— Ее зовут Турдэ, а ее муж Илляш.

— Где она живет?

— Вот где, — Туты указывает на соседний дувал.

Пока Мыруоли оглядывается, она срывает железный язык с петли и, бросив его качаться на цепочке, быстро ступает за порог. Тяжелая дверь на деревянных осях в широких гнездах не падает сразу в коробку и со скрипом вбивается еще раз. Оттуда стукнул деревянный засов. Мыруоли уходит.

Качаясь на острых каблуках (стороной он это ощущает: нагретый солнцем шиповник тоже здесь, он хорошо пахнет), Мыруоли видит складки кюйнака, именно те складки, которых он не видел, а которые были, когда она раздевалась за стеной, а он стоял на солнце у провала. А что он видел? Вдруг она явилась целой, светлая в темноте. Как черный колодец в песке. Тут Мыруоли начинает проклинать день, как полагается по ритуалу, — семижды, всеми силами святого числа.

Для другого! Сейчас ее нет! Тогда была! Когда она так стояла — и руки, и ноги, и движения губ, отделенные от всего, совершенно отделенные, не смешиваясь, существовали одни, — можно было подумать, что это самое начало и так до самого конца. А теперь все отнято. Я широко расставил руки, чтобы нести, но из моих рук все взято, как из разбитого двора. Здесь побывали вору. По дороге рассыпано зерно, разлито черное масло и урюк¹⁸ затоптан в грязь. Костры жгли. Ели. И я прошу кусок. Вижу,

18 Урюк — абрикосы.

наверное, больше, чем можно взять. Я откажусь от нее. Плюю на это. Огрызки я затопчу. Урюк топтали. А теперь, когда всюду пусто, когда они все убрались, только оглядываешься и не знаешь, в кого метнуть рукой.

Он себя уверяет — такая мне не нужна, а видит вот что: но я и не за ней шел. А есть не она, а та, кого я искал. Краденая вещь, дорогой подарок. Уж это-то наверняка. Я ведь ни о чем другом не думал, просто краденый подарок, но дорогой, так как у нас в нашей дыре все дешевое. Это-то есть! Я угоню ее мужа, она откроет дверь, и я дотронусь... Но тогда я увижу! Я забуду... Я не забываю... Это теперь... Но когда я коснусь... Я вспомню. Ну, когда клинок опускают в воду, он не на огне, и вот он уже холодный, ага, а потом? Он втыкается в тело. Там и будет сидеть. Тогда я этого хочу... Хитрят трусы. Нет, пусть будет проклят день...

И Мыруоли опять выкладывает подробные формулировки, так что самому делается смешно. Но, к сожалению, на том, что смешно, не удается остановиться.

Он находит коня у мечети и направляет его к мосту. — Я не пойду к ней. — Но вместо того, чтобы направиться обратно, в Ша-Замурат-калу¹⁹, Мыруоли за мостом сворачивает направо, к Хумсану²⁰, и, промчавшись через кишлак²¹, поднимается в горы, лишь бы быть подальше.

Радостны заботы надежды и страха, когда человек копошится, когда я копошусь. И ничего не кончено. Но не надо, не надо трогать того, что непоправимо. Вот эти заботы и надо вспомнить, так как я трус. Их я сюда вез, да еще и прихватывал по дороге, когда хотел молиться, и высматривал, что мне скажут листья и камни, что можно урвать, так как за каждым — тайное пятно, надежда; но это все отнято. Я возвращаюсь. У коня в прозрачных ушах редкие волосы, уши заложены назад. Раздувшийся живот расширяет подпругу. Это все, как тот пол мечети. Я в него уткнулся носом, чтобы не видеть. Но пол, как вода, прозрачный. Она была голой, и это мне открыто. Это будет вечно. Потряхивая гривой — в гору; длинные ноги туркмена²² выбивают мелкие

19 Ша-Замурат-кала — название крепости. Кала (*тадж.*) — крепость.

20 Хумсан — горный поселок в Ташкентской области.

21 Кишлак (*узб.*), кишлок (*тадж.*) — селение.

22 Туркмен, или аргатак, — в русском языке так назывались туркменские, персидские или кабардинские скаковые лошади, отличающиеся стройностью, быстротой и легкостью бега. В данном тексте имеется

камни; вытягивая шею... Мыруоли ложится на нее, придерживаясь левой рукой, с раздувшимися жилами, за блестящую серебряными шляпками, гладко отполированную прикосновениями головку луки. Тропинку встречает ручей — туркмен сгибает шею, голову вздернули поводья. Обступают темные кусты. Мыруоли почти раскачивается в седле, так как очень устал и почти ничего не соображает. Он автоматически повторяет слова: «Я не пойду к ней».

Это очень удачно, но, к несчастью, он выговаривает другую фразу. Она очень похожа на первую, она и означает то же самое, но она другая: «Я ее не увижу». Он не слышит всего того, что говорит, и почти не сознает того, что думает, но повторяет еще и еще. Эти слова налетают на него внезапно и страшно. Тогда он резко поворачивает коня и, задыхаясь, кричит: «Чо! Чо!» Так как нет ничего более страшного, чем не увидеть ее. Он торопится в Ша-Замурат-калу, чтобы там решить, что делать. Забрался он так далеко, что предстоит длинный путь. А уже вечерет. Добрался он только в сумерках. Колючая джыйда²³ огораживает сад. В проезде ворот совсем темно. Скоро ночь. Мыруоли отдает коня лавундам²⁴ и уходит в сад.

Ленинград

Глава III. ША-ЗАМУРАТ-КАЛА

Кончив стрижку засохших веток, Фатхеддин-малайка²⁵ опускается на корточки над арыком, достает из-за пазухи тыквенную баклажку, разматывает тряпку и, натрусив на ладонь

в виду, скорее всего, ахалтекинец — верховая порода лошадей, выведенная на территории современной Туркмении (Ахал-Теке).

23 Джыйда (узб.), джигида (каз.) — лох восточный: невысокое дерево, сходное с маслиной, с серебристыми листьями и терпкими ягодами. Их сушат.

24 Лавунда (тадж.) — слуга, букв. «бродяга, вольный». Кур-баши — ведающий арсеналом, комендант крепости; ему подчинен лавунд-баты со своими лавундами, то есть дворцовой прислугой (Кисляков. Указ. соч. С. 184).

25 Малайка — слуга. «Каразин зафиксировал слово из обиходной лексики русских Средней Азии — *малай, малайка*. „Кличка всякого работника-туземца“ — из примечаний Каразина...» (Шафранская Э. Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина. СПб., 2016. С. 118).

нас-насвая²⁶, хлопает снизу и закладывает под язык. Опустив глаза в землю, он откидывается горбом к стволу, в укромной темноте, в листьях. Человеческая душа ищет хитростью, где не находит силой. В темноте желтеют черешни. Такие гладкие, жирные черешни. Возвратясь от первой остроты, он рассматривает из-под густых бровей соседний двор. За низким дувалом две женщины разбирают хворост и несут к высокому очагу. Одна разводит огонь, другая рубит морковь. Холодная вода. А там, оттуда пахнет дымом, густая темная трава перед ним. Холодная трава. Его ноги глубоко вмяты. Под желтой голой кожей живота сжимается желудок. Лиственный дым, синеющий сквозь частые ветки, доносит запах риса. Фатхеддин следит за женщинами, роняя зеленые плевки. Он думает об этой ночи.

Я промну, свернувшись, подстилку, расширю ногами место и выберу себе во сне. Но нужно еще ждать. И нужно лечь сытым. Эти большие полные котлы легче хорошей горсти. А вечером их еда уже готова. Вот лавунды приносят ее на айвон. Справа и слева от хакима²⁷ под разрисованным потолком по стенам сидят махрамы. А я гляжу из листьев. «Кули ислам гурре»²⁸. Сипахи²⁹ сидят вдоль стен.

Фатхеддин опускает веки.

Мне нечем в них утешиться. Все очень живые люди. Вот Мухаммед Керим-бек. У него пятьдесят танапов³⁰ на канале Бёз-яб. Лучше свой песок, чем чужой сад. Я беднее. Якуб-махрам, сын Гадай Нияза. А у этого сорок танапов земли. Приятно мне, что на десять танапов меньше. Но он толстый и веселый. Только очень потеет. Пусть хоть потеет. Абдулла-махрам-ака. Он имеет всего двадцать танапов. И Руз Мухаммед-бей махрам-ака тоже. Нищие собаки. Так они считают. Они могут обнимать и целовать друг друга. Дай Бог одному из них иметь на два танапа больше. — Фатхеддин задумывается. — Нет, меньше.

26 Нас-насвай — легкий наркотик на основе табака и гашеной извести.

27 Хаким (*кирг.*) — «мудрец». Почетное именование правителя округа, губернатора.

28 «Каждый магометанин свободен» (*перс.*). Подробнее см. в комментарии на С. 197.

29 Сипах, сипо — военный слуга, чиновник.

30 «Танап — мера земельных площадей в Средней Азии, имеющая в различных районах различные размеры. <...> Русские путешественники определяют величину хивинского танапа от 400 до 900 и даже 1200 кв. сажен» (*Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 20, примеч. 5).

Акбар-юзбаши³¹, сын Ак Мухаммеда, ярлыкдар³², — десять танапов. Ну, на этого все не нарадуются. Мехди-кули-бек — двадцать. Эр-Нияз Ат-чапар. Красиво сидит: левая рука лежит на коленях, кисть свесилась, — пятьдесят танапов! Все они едят молча, глядят на хакима. Сафар Нияз, достарханчи³³, смеется, усы разъезжаются, сейчас что-нибудь такое скажет, что-нибудь о том, как Абдулла-махрам и Руз Мухаммед поменялись женами, а потом оказалось, что обе жены косые, а главное, косят в одну сторону. Он хочет развеселить хакима. Хаким последнее время озабоченный ходит. А Сафар Нияз не храбрый человек. Сафар Нияз всегда боится, поэтому шутит шутки. И правильно, что боится. А сам он недавно взял четвертую жену из Гурлена³⁴. Что ж, туркмены вообще-то злые люди, и для такого труса, как Сафар Нияз, как еще обернется с такой вот молодой женой, у которой и нос, может быть, как сабля. Но ведь это только надежда.

Ах, как много у меня надежд, думает Фатхеддин. Он качает головой и фыркает. Но смех его короткий. Он еще ниже опускает голову.

Как интересно, думает он, войти к четвертой жене. Первый раз войти. — Фатхеддин ощущает это ясно. — И думать перед этим: ну, что из нее получится?!

Фатхеддин, по-прежнему сидя на корточках, переменяет места ног.

И вообще, он еще может ее зарезать, если очень рассердится на туркменов. Пугливый он... Кстати, его третья жена тоже куплена у них. Говорят, у нее сильно белая кожа. А у маликов³⁵ при такой коже женщины носят мушки.

Фатхеддин глядит в сторону очага через потемневший сад. Там возятся Салима и Реджа. Не очень часто приходится видеть их близко. Вот у Реджи обе круглые руки вылезли из рукавов. Огонь их очень украшает, и за дувалом ее хромоты не видно.

31 Юзбаши — сотник, начальник отряда.

32 Ярлыкдар — имеющий ярлык (фирман), то есть бумагу с назначением на должность.

33 Достарханчи — один из высших государственных чиновников.

34 Гурлен — сейчас поселок в Узбекистане, в Хорезмской области. Земли района Гурлена орошались из канала Бёз-яб (*Иванов*. Указ. соч. С. 62).

35 Правители государства Саманидов (819–999) с центром в Самарканде, потом в Бухаре, носили титул: вали Мавара ан-Нахра (Мавераннахра), *малик* Машрика и Хорасана. Малик по-арабски значит царь. В выписках к роману из архива Павла Зальцмана (лист 36): «Малики — персы».